

А.В. Худенко (Одесса)

Путешествие — фигура быть (набросок маршрута)

Путь есть путь в пути

он ведет и освещает, приносит, т.к. поэтизирует

М. Хайдеггер

✓ Путешествие — это в пути воедино собранное шествие. В глаголе шествия таится энергия, которая в пути открывает возможность существительного быть. В путешествии открывается возможность полноты раскрытия того, что уже есть, но стремится принять подлинный облик. В этой связи, путешествие не суть калькулирование впечатлений, но внимательность и забота в обращении к тому / с тем, что уже дано: споспешествование во в-ведении к полноте открытости и обретении им подлинного облика. В путешествии наступает уже имеющееся. В этом наступании — ступание по уже оставленному следу. Путешествие не есть простое перемещение, но — собирание времени.

В путешествии различается самооценность пути (стояние-внутри (в) пути), и указание приближения (шествие-вовне к). В шествии является множественность мира. Данную множественность следует понимать не только как количественное выражение и признание множества культур, языков и т.п. — в плюральности. В плюральности говорит лишь нужда и невоздержанное любопытство — жажда имения. В основе же подлинной множественности лежит избыточность, которая дарует возможность быть. Именно в шествии позитивно определяется жизнь и определяется как самооценный феномен: жизнь ни в чем не нуждается и достойна избрания.

Жизнь даруется человеку, и человек достоин жизни (обладает достоинством) в инициации решительным броском к далекому (и подлинному). [Путешественник — настоящий Господин — рискует, преодолевая животность своего естества, и идет до конца. Достоинству благоволит судьба, оберегая в опасностях шествия. Во «вперед-себя»

преодоленная простота биологической и физической эволюции заставляет помнить себя таким, каким ты был, становясь при этом радикально другим. Посредством исторической памяти достоинство человека сохраняется в истории: человек вибрирует прошлое, делая его доподлинно своим; сохраняет прошлое, входя в свое настоящее, которое является отрицанием сохраненного прошлого. Путешествие живет в истории.

В истории шествие уже отпечатано, явление подлинного от-слежено в пути. В пути шествие уже схвачено тем, что есть нечто совершенно иное — другой. И этот след другого всегда уже в-пути. Чужестранец, встреченный в шествии, не есть небитие или простая противоположность бытия, но глагол дружости. Своим существованием Он подтверждает бесконечность и загадочность мира; смеется над его калькулируемой исчерпаемостью. Он дарует свободу, которая мыслит и желает и «за», и вопреки мне. Действительно, Чужестранец-другой, приближаясь издалека, предстает в своей суверенной экстерности — является Господином. В ассиметричных отношениях Он привлекает меня из «мира» воображения и открывает реальную возможность вперед-себя. В-пути встреченный Чужестранец открывает реальность мира, заставляет вновь и вновь обращаться к другому.

Это двойное «вновь» составляет незавершенной гегелевскую операцию отрицания. В-пути негативность описывает «круг», в который не допускается тотализирующий взгляд синтеза. В то же время удвоенное «вновь» — это не то, что не имеет смысла и также не то, что противоположно смыслу. Удвоенное «вновь» — фигура нонсенса — это, скорее, то, что дарует смысл. Переламывая упорядоченность, методичность шествия, вновь повторенное «вновь» вызывает удивление, вносит переломы и детонирует его (шествия) распад на отдельные эпизоды — хаотизирует. В-пути хаоса укрепляется собирающее начало энергии шествия, вновь и вновь подтверждается обещание, данное в обращении к. Остаться в «круге» обращения к — значит «танцевать» в поле впервые-начинания — одновременно вовне («вперед-себя») и внутри («уже»). Не выходить за пределы, оказавшись в сфере «транс», но обратиться к другому. Путешествие, т.о., это и / ни активное «вперед-себя», и / ни пассивное смотрение в «уже» (и / ни работа, и / ни отдых). Это фигура различения: в перипетиях (переломах) методичной ритмики шествия, является Чужестранец-другой, чей лик взывает к обращению. В путешествии открывается возможность единства быть.

Прерывая движение последовательностей, путешествие объединяет все части времени (прошлое, настоящее и будущее) в актуальном становлении, в котором одна часть переходит к другой, позволяя быть им в качестве раздельных. Путешествие, т.о., есть новое и интересное событие, в котором говорит судьба. Судьбический характер переломов — суть то, что посредством страха и сострадания (в их трагичном и лиричном переживании) вызывает очищение страстей. Экстатичность катарсиса взывает к решимости становления иным — утверждения ценности жизни. В этом мужественном проживании судьбы являет себя благородство — актуальность собранного добра и доброты.

Благородство выговаривает себя: взятое им слово дарует существительному быть. В этом плане благородство проявляет себя в слушании и высказывании — сообщении. Несомненно, что модальность такого слушания и высказывания является сообщество. Ибо любое высказывание делается и слышать умеется «по причине» — на основании совместности. Поэтому путешествие, где выговаривает себя благородство, не приватно, но состояние совместности — понимание.

Разрыв модусов сообщения указывает лишь на возможность понимания: можно по-

нять только то, что допускается *theorein* (быть в сообществе и избранным для сообщения). В таком случае, на понимание намеренно наложена эпитимья непонимания. Вероятно, чтобы сохранить тайну (для того, чтобы глаголить, не следует говорить вообще, лучше молчать, храня тайну); и/или оспорить взятое слово — бороться. В самом деле, тайна и должна, и не должна позволить себе быть раскрытой. И ее, конечно, не следует раскрывать, дабы сохранить возможность мира в его бесконечности. Поэтому не следует пускаться в путь, чтобы удовлетворить нужду впечатлений и достижений. Но тайна должна быть услышанной. И говорить необходимо. Чтобы скрыть тайну. Говорить не о тайне, разблывая и экономя ее, но для тайны, подтверждая ее. Ведь кто никогда ничего не говорит, не способен и молчать. И чтобы уметь молчать, необходимо иметь что сказать: пуститься в путь и обратиться к другому. Только в этом случае молчание пресекает многоречивость мнений и указывает на очевидность тайны. В путешествии различие молчания и говорения утверждает совместность существования. Тайна становится тайной события. Шествуя, мы приближаемся к тайне окольными путями. Обращаясь к другому, оспаривая услышанное слово, мы удивляемся близости тайны. Она хранится в благородстве совместности.

Событие не есть простая сумма обитателей сообщества, но в обращениях друг к другу разделенная участь сообщества. В разделении участи — путь участия в делах сообщества: в том, что касается, задевает, влечет — заботит — каждого. Именно участие и составляет суть политического. Путешествие — суть политическая практика.

Претензии путешественника судятся и избираются. Судят обоснованность притязаний. И основанием притязаний выступает искусство давать (говорить) и принимать (слушать) *отчет* — рациональность претензий. Однако высшим проявлением мастерства путешественника выступает умение согласовать свои претензии и право Чужестранца. В этом мастерстве заключено обращение к дружости Чужестранца и решимость выбора не в пользу чего-то (выбор «что»), но «как» уравнивания разных и неравных сторон (выбор «как»). Ведь равенство носит лишь экономический характер, ведомое нуждой. «Как» же уравнивания — мастерство справедливости — есть исключительное признание привилегий другого и его господство. Справедливость выплывает в горниле совместности и потому явлена в различии. Она есть и качество претендента — то, чем сражаются, и основание, высшая добродетель общего дела — то, за что сражаются. Обращение к справедливости позволяет вновь и вновь обращаться к другому, переходить в обращении от одного адресата к другому. В бесконечности обращения состоит интенция политики. В пути собираются голоса, которые существуют в сообщении и укрепляют сообщество.

Справедливость есть лишь другое имя истины. В пути шествия освобождается энергия, благодаря которой может осуществить себя полнота открытости — истина. Необходимо вновь обратиться и возвратиться к данному общению, чтобы приблизиться к истине. Настоящий политик Тимей, признавая требования Сократа рассуждать в полной точности и непротиворечивости, замечает, что вообще должно радоваться мифам, не требуя большего. Конечно же, Сократ, требующий «полноты» и «совершенства», мог бы завершить на таких словах Тимея со-вместность пребывания. Но, как радеть истине, греческий любомудр согласился на сказание. Оставляя открытой возможность явления истины, Сократ обращается к Тимею с просьбой продолжить разговор. Сократ выбирает слова, слова, слова, прекрасно понимая, что истина в молчании. Конечно, не признавать правоты в словах — измена человеческому роду. Именно человеческому,

т.к. сказания — общее дело. Оно есть шествие в пути, суть которого состоит в совместности общения. В этом плане мифы (сказ, повествование, литература, в конце концов) — не есть представления о мире, не являются теорией мира, но сама жизнь. Только в них и живут человеческие чувства или то, что есть в человеке человеческого.

Отправляясь в путешествие, мы ищем новых впечатлений или отдыха. Но, только сделав шаг, мы оказываемся вобранными в общее дело. Оно соблазняет авантюрами и вызывает страдания, заставляет подчинить себя и проявить господскую жесткость, разделить участь сообщества и познать радость избрания, подтверждает дарованное благо и отстаивает достоинство... В путешествии мы преодолеваем бесплодную пустыню нужды — жажду впечатлений — и приближаемся к тайне, в которой открывается возможность быть.

Д.А. Ольшанский (Екатеринбург)

Стратегии не-следования

Лусский гун в поздние годы говорил о себе, что ему не удаётся достичь преданности и добродетельности, состояния необходимого для письма.

Цай Сянь из Паняу (эра правителя Чжи-хэ, второй год, десятый месяц, двадцать третий день)

Всякое путешествие представляет собой поиск и открытие другого места. С одной стороны, путешествие не сводимо только к преодолению больших расстояний, хотя расстояние, несомненно, не может быть маской, скрывающей неизвестный лик, однако работа соблазненного путника утверждает его существование. Возвращение с работы домой никак нельзя назвать путешествием, если только оно не сопряжено с ежедневным возвращением к новому очагу: лишь тот, кто готов спрашивать прохожих, как ему пройти домой, может быть подобен Улиссу.

Лишь преодолевая путь и совершая работу, путешественник находит другое место, или же находит место другим. Здесь мы имеем дело с путешествием как визуальным актом, позволяющим увидеть другое место или, подобно герою Маршака, место под другим углом. Поэтому преодоление пространства и не является единственной техникой и обязательной формой путешествия. Прекрасное далёко не станет манком для каждого путника, ибо он может быть очарован всем тем, что прочитано им как другое. Мы имеем здесь дело с неким поворотом (сознания или корпуса), который открывает новые горизонты, и позволяет изменить угол обзора. Путешествие возможно только лишь как обоюдная направленность движения и напряжение глаза, ибо немаловажной задачей путешественника является увидеть дорогу и опознать знаки, указывающие дорогу.

С другой стороны, путешественник не является туристом, который ведом лишь постоянно обновляющимся желанием визуальным удовольствием. Визуальность уже сама по себе есть место, стратегия, мотив, поэтому даже преодолевая расстояние турист остаётся на одном и том же месте. Он сменяет не места, а достопримечательности, оставаясь при этом всегда на одном и том же месте. И он не собирается отказываться от места обзора, которое по праву принадлежит ему. Любоваться красотами новых земель и восхищаться экзотикой чужих стран — это работа туристов но не путешественников, глаза которых полны заката. Они не останавливаются для того, чтобы сделать снимок, ибо их движение не имеем никакой мотивации, они не преследуют никакой цели, и не занимают никакого места.

С третьей стороны, говоря о путешествии, мы имеем в виду не хаотичное бессис-